

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА

УДК 81`22

Doi 10.26456/vtphilol/2025.4.015

ИНТЕНДИРОВАНИЕ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ: МЕЖДУ «ТЕХНИКОЙ ПОНЯТИЯ» И «СКРЫТЫМ ОСНОВАНИЕМ» МЕТОДОВ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

А.В. Загуменнов

Вологодская духовная семинария, г. Вологда

В статье с опорой на разработки «Московского методологического кружка» в лице Г.П. Щедровицкого, а также труды «Тверской герменевтической школы» даётся новая интерпретация одной из «техник понимания» в концепции Г.И. Богина. Мы обосновываем, что последний из названных учёных осуществил феноменологическое описание скрытого основания методов гуманитарных наук, что способствует оформлению особого русла герменевтических исследований.

Ключевые слова: понимание, рефлексия, ноэма, феноменология, филологическая герменевтика, метод.

Прямыми предшественниками предлагаемого исследования являются опубликованные [3] и неопубликованные в печатном формате [4] работы Г.И. Богина, коллективная монография-манифест «Тверской герменевтической школы» [6], а также ряд трудов по смежной проблематике [8; 2; 5]. К сожалению, программы дальнейшей теоретико-методологической работы, намеченные в уже упомянутых текстах [3; 4], по стечению обстоятельств остались без внимания в научных публикациях последних лет. Так, например, при всех достоинствах и значимости вышедшей в свет книги «Семинарий по филологической герменевтике. Тверская школа» в том разделе, где размещены «материалы к терминологическому словарю», статья «Интендирование» существует только как выписки из уже приведенного нами источника [4], причем без комментария или каких-либо дополнений. Нашим исследованием мы стремимся не только преодолеть образовавшуюся лакуну и восстановить эпистемологический контекст разработки проблемы интендирования, но и обозначить вектор её дальнейшего осмыслиения.

Для начала обратимся к выступлениям Г.П. Щедровицкого, где в дискуссиях с оппонентами он, возможно, вполне осознанно производит словесное уточнение некоторых терминов. Ряд контекстов позволяют нам определить ‘интендирование’ как ‘полагание’ («есть интендируемый, полагаемый объект» [1: 105]) и как ‘отношение’ («тот объект, к которому мы относили – интендировали – эти процессы». [10: 178]), причём это отношение характеризуется направленностью к чему-

либо или кому-либо («в нашем сознании существует нечто, что мы называем интендированием или реализацией функционального отношения» [10: 715]), а значит, это – «интенциональное отношение» [10: 714] или ‘интенция’. В этой точке рассуждения мы фиксируем позицию Г.П. Щедровицкого по данному вопросу. Для него интендирование может быть сведено к полаганию чего-либо как предмета, на который направлено функциональное отношение сознания.

В свою очередь Г.И. Богин, принимая эту конструкцию Г.П. Щедровицкого, имплицитно вводит её и в определение герменевтики как деятельности «человека или коллектива *при понимании* (курсив здесь и далее наш – А.З.) или *интерпретации текста*» [4], и в детализацию содержания герменевтики как дисциплины. Обратим внимание на следующее. ‘Понимание’ в дефиниции герменевтики интенционально как «*усмотрение* (коррелятивно ‘полагание’ – прим. А.З.) и *освоение* (коррелятивно ‘функциональное отношение’ – прим. А.З) идеального, *представленного* (= полагаемого как сущее и отнесенного к сущему – прим. А.З.) в текстовых формах (или иначе: к текстовым формам – прим. А.З.)» [6: 188]. Кроме того, и *понимание*, и *интерпретация* в концепции Г.И. Богина являются разновидностью *рефлексии*, но что она есть в рамках разработок «Московского методологического кружка»?

В конце 1970-х Г.П. Щедровицкий описывал этот феномен следующим образом. Рефлексия в чистом виде «не имеет собственных форм и, следовательно, не имеет своего собственного идеального содержания», «существует лишь тогда, когда мы движемся по чему-то уже данному в нашей деятельности», «может быть ретроспективной и проспективной» [11: 50]. Это далеко не полное описание, но для нашей работы этого минимума достаточно, чтобы раскрыть суть интендирования в концепции Г.И. Богина.

Начнём с того, что рефлексия в трудах руководителя «Тверской герменевтической школы» представляет собой замкнутый, цикличный поток актов ($\approx$ действий по освоению-отношению), который условно имеет два направления или луча: вовне-идущий луч рефлексии («проспективный» по Г.П. Щедровицкому, направлен от «Я» на «дорефлексивный» материал, который будет преобразован в рефлексии и станет «рефлексивной реальностью») и вовнутрь-идущий луч рефлексии («ретроспективный» по Г.П. Щедровицкому, направлен от рефлексивно осваиваемого материала к «Я»). Прибегнем к образу для простоты изложения.

«Течение» актов проходит по одному и тому же «руслю», но в той точке, где оно разворачивается в обратную сторону (поскольку само русло циклично); в той точке, где поток сталкивается с «препятствием» и меняет направление, – от этого препятствия что-то уносится течением, и это что-то в виде осадка остаётся на дне и лишь изредка захватывается повторяющимся и непрекращающимся движением актов. По пути ко дну

нечто – чем бы оно ни было – «размывается», подвергается воздействию, а его наиболее «весомые» элементы в итоге оседают, очищенные от всего случайного и ненужного. Этот «осадок» – компоненты жизненного опыта, накопленные в предыдущих «витках» цикличного потока, и это то, что в работах Г.И. Богина названо «онтологической конструкцией» субъекта, «душой», являющейся «отстойником опыта». В этом массиве есть особые скопления из «весомых» частиц – «топосы», «значимые места» в общей организации «Я» (Ego), которые могут вмешиваться в «текущие» акты рефлексии, взаимодействуя с ними.

Следовательно, онтологическая конструкция – то данное в нашей деятельности, благодаря которому мы обращаем рефлексию на «препятствие» – реальную ситуацию, а то «ничто», что «уносится» течением от этого «препятствия» в обратном направлении – элементы материала «дорефлексивной реальности», которые «перевыражаются» в рефлексивную реальность как материал рефлексии и «схватываются» общим потоком. Движимые частицы могут соединяться с другими, оставшимися от «прежнего действования субъекта» [3: 90], зацепиться за подобные, образовать причудливые конфигурации, формируя и оформляя таким образом корпсы минимальных единиц смысла – «ноэмы». Все вышеизложенное Г.И. Богин концептуально и кратко представил на схеме процесса интендирования (рис. 1).

Рис. 1. Схема интендирования [3: 90]

К уже сказанному необходимо добавить ряд пояснений, объясняющих разность во взглядах Г.П. Щедровицкого и Г.И. Богина.

Как мы говорили ранее, для первого из них интендирование – полагание чего-либо как предмета, на который направлено функциональное отношение сознания. В свою очередь Г.И. Богин производит подлинно феноменологическое описание структуры рефлексии как актов со своим повторяющимся «маршрутом»: «онтологическая конструкция» → реальная ситуация до рефлексии → реальность в рефлексии или рефлексивная реальность → начало осмысления (рефлексивная реальность + уже имеющиеся компоненты опыта) → формирование корпуса ноэм (минимальных единиц смысла) → корпус ноэм направляется обратно к границам онтологической конструкции → распределение направленных конфигураций ноэм по уже имеющимся топосам (значимым местам) онтологической конструкции → обновленная онтологическая конструкция. На схеме интенциональность и интендирование разведены функционально, но они по-прежнему связаны: интендирование интенционально, интенциональность ведёт к интендированию.

Последнее можно рассматривать как «перевод» конфигурации минимальных единиц смысла в конфигурацию онтологической конструкции («души») при рефлексивной деятельности человека, однако этот «перевод» происходит не стихийно, а по культурно заданным образцам, воспроизведимым сообществом живущих и мыслящих людей. Этот существующий «до» индивидуального освоения набор «способов рефлексивного действования» [6: 246] Г.И. Богин называет «техниками» или «приёмами» понимания, в число которых относит и интендирование. Применить его можно к любому тексту любого времени (при должном усвоении как родного, так и иностранного языка).

В частности, читая «Книгу толкований и нравоучений» протопопа Аввакума, мы замечаем, что в этом сочинении упоминается Иоанн Златоуст, негативно оценивающий египетского правителя Антиоха IV: «антихристомъ же зоветь, понеже-де и имя противное содержить: анти, еже есть противникъ, а охъ—обладатель. Охнуль отъ него Израиле-ть бѣдной» [7: 463]. Первое впечатление – характерное для древнерусского книжника включение чужого текста в свой собственный, опора на святоотеческое наследие присуща всем образованным писателям XVII века. Нет ли здесь чего-то, что относится к экзистенциальным смыслам бытия? Есть, например, ‘жизнь Иоанна Златоуста’, ‘жизнь при плохом правителе’, ‘приход антихриста’. Протопоп Аввакум страдает подобно архиепископу Константинопольскому, также когда-то гонимому собственным царём и «удобным для царя» патриархом. Кроме того, упоминаемый Антиох IV в Иерусалиме организовал полис по греческому образцу, разграбил иерусалимский храм, запретил соблюдать Закон Моисея. Иными словами, включение данного антропонима неслучайно: эта единица способствует выходу русского читателя XVII столетия к смыслам ‘превозношение всего эллинского’, ‘изменение богослужения’,

‘восстание верных против нововведений царя’, – всего того, что было характерно для жизненного (а потому – смыслового) мира человека в годы правления Алексея Михайловича.

Другой пример применения техники интендирования – когда при чтении изъятых сплошной выборкой словосочетаний (*православными епископы* [7: 8], *православной въре* [7: 29–30], *пастыря православнова* [7: 50], *за православную въру* [7: 99]) мы усматриваем наличие некоторых единства, «рассеянных» в потоке текстов протопопа Аввакума. Выясняется (на новом витке рефлексии), что ‘соответствие православию’ распространяется не только на веру и священноначалие, но и на царя (*православный царь* [7: 743]) христиан (*православные християне!* [7: 574]), церковь (*во церквахъ православныхъ* [7: 826]), однако ‘православие’ в сочинениях апологета староверия мыслится исключительно как русское дореформенное, дониконовское (*было православіє чисто и непорочно* [7: 58], *старое православіе* [7: 523], *к первому православію* [7: 956]). Это рассуждение представляет собой один из возможных вариантов выхода к онтологической конструкции пишущего посредством интендирования как техники понимания.

Вернёмся к схеме, предложенной Г.И. Богиным (рис. 1). Любое исходно направленное преобразование дорефлексивной реальности в рефлексивную с последующим формированием и конфицированием полученных минимальных единиц смысла с опытом прежнего действования для обогащения «души» – не только «техника понимания», но и основа многих научных методов в гуманитарных науках. Например, нам неизвестно, что значит в церковнославянском тексте второе слово в обороте *рѹ́цє сусéи*[*ру́цэ сус’и*]. Мы обращаемся к лексикографическим источникам, однако в них интересующая нас статья отсутствует. По опыту прежнего действования, мы усматриваем, что второе слово отвечает на вопрос «какой?», находится в непосредственной близости к знакомому нам существительному, и – предполагаем – согласуется с этим существительным. Дальше мы либо обращаемся к грамматикам, либо, если в памяти со времён курса старославянского языка на филологическом факультете ещё не выветрилось знание о палатализации, конкретно её втором типе (*x → c*), начинается через конфигурацию ноэм ‘возможный переход заднеязычного «х» перед гласным переднего ряда «ъ» их перераспределение на границах *Ego* в варианте ‘*сус ← сух*’ и *пониманием*, что речь идёт о руке сухой. Это может быть зафиксировано с опорой на заданные в научном сообществе образцы в виде семантической записи для дальнейших операций и процедур. В свёрнутом варианте перед нами экспликация схемы интендирования при контекстном анализе, который применяется и в языкоznании, и в ответвлениях теологии – библеистике, сравнительном богословии, эзегетике, а значит, интендирование присутствует и в их

способах исследования своего материала. Ярлык «техника понимания» значительно приуменьшает масштаб подлинно гуссерлианской феноменологической дескрипции, осуществленной Г.И. Богиным.

Руководителю «Тверской герменевтической школы» в действительности удалось формализовать то, к чему пришёл в своих изысканиях Г.Г. Шпет относительно истории. «Документы и памятники суть знаки, требующие прежде всего уразумения некоторых действий, которые сами только знаки, прикрывающие некоторые движущие историей факторы, постигаемые опять-таки с помощью уразумения. Философия может идти еще дальше в поисках за уразумением самого субстрата истории, но в существенной своей основе за всеми этими интерпретациями: филологической, технической, исторической, философской, лежит один и тот же путь уразумения. История есть по существу наука не техническая, а *герменевтическая* (выделено Г.Г. Шпетом – прим. А.З.) [9: 33]. Обратим внимание на значимые для нашего исследования фрагменты этого рассуждения.

К бытовавшим в дoreфлективной реальности исследователям вещам («документы и памятники») необходимо приложить рефлективное усилие для раскрытия в них означенных «движущих факторов» исторического процесса, которые становятся постигаемыми только в результате уразумения, равно одинакового и в отношении знака, и в отношении интерпретации истории как науки. Пропуская эти строки через призму разработок «Тверской герменевтической школы», мы должны признать, что конвергентным идейным предшественником Г.П. Щедровицкого и Г.И. Богина по проблеме интендирования оказывается именно Г.Г. Шпет, хотя у него и не было тех средств, какие применялись в «Московском методологическом кружке». Подчеркнём, что мы не утверждаем линию преемственности от одного из учеников Э. Гуссерля к «Тверской герменевтической школе». Нами признается в последней наличие способа работы, близкого (если не тождественного) к принципам и приёмам феноменологического исследования.

По этой причине мы считаем возможным предположить минимум три модуса данности интендирования, раскрывающихся диалектически. В первом из них, системоисследовательском, существует сложная структура направленных функциональных отношений, характерная для нормальной жизни индивидуального сознания. Интендирование в этом модусе данности по-разному фиксируется (в полном соответствии с базовой схемой системы мыследеятельности по Г.П. Щедровицкому [10: 770-783]) в поясе предметных представлений, в поясе мысли-коммуникации и в поясе чистого мышления [3]. В частности, сюда следует отнести размышления Г.И. Богина о разнице между интенЦиональностью и интенСиональностью, однако здесь же допустимо наметить следующий шаг, разграничив интенциональность и экспрессивность в синтаксисе (так вопрос в трудах «Тверской школы»,

насколько нам известно, ранее не ставился). Антитезой первого (условно «теоретического») модуса данности выступает второй (условно «практический»), филолого-герменевтический. Здесь интендированию отводится роль «техники понимания» как одного из рефлексивных способов действования читателя с художественным текстом. Наконец, третий и последний модус данности (синтез), герменевтико-феноменологический, лишь очерчен предлагаемой статьёй. На уровне гипотезы мы выдвигаем предположение, что научный метод, направленный на знак и своим применением обновляющий его понимание, есть превращенная форма интендирования, являющегося к тому же скрытым основанием способов познания действительности в рамках гуманитарного цикла дисциплин. Это, как нам видится, путь герменевтики науки как текстового массива с восстановлением актуальных (прямых) и потенциальных (конвергентных) предшественников в концептуальных построениях и описанием вариантов перевода конфигурации минимальных единиц смысла в конфигурацию онтологической конструкции («души») при рефлексивной деятельности в каждой конкретной отрасли знания «наук о духе».

Список литературы

1. Анналы ММК: 1979 (1) Проблемы построения теории мышления. Дизайнерское движение и перспективы его развития. М.: «Наследие ММК», 2013. 336 с.
2. Безроднова И.А. Жанрообразующие особенности интендирования ключевого мета-смысла "Детство" в тексте Е. Калинчук "Скобяных дел мастер" // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12-2(54). С. 13–19.
3. Богин Г.И. Интендирование как одна из техник понимания // Вопросы методологии. 1992. № 3–4. С. 90–104
4. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. URL: <https://www.klex.ru/2s6> (дата обращения: 23.04.2025)
5. Карманова З.Я. Принципы феноменологической лингвистики. Монография. Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»), 2022. 400 с.
6. Колосова П.А., Крюкова Н.Ф., Львова Ю.А., Оборина М.В., Чебанов С.В. Семинарий по филологической герменевтике. Тверская школа. Тверь: Тверской государственный университет, 2021. 598 с.
7. Русская историческая библиотека / издаваемая Археографическою комиссию. Санкт-Петербург : [б. и.]. Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII века, Кн. 1, вып. 1. Т. 39. 1927. XCVII с., 960 стб., 2 л. факс.
8. Соловьева И.В. Интендирование как деятельность и основа интерпретации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2007. № 9. С. 109–113.

9. Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Часть первая. Материалы. М.; СПб.: Университетская книга, 2014. 510 с.
10. Щедровицкий Г.П. Мышление – Понимание – Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. 800 с.
11. Щедровицкий Г.П. Учение Георгия Щедровицкого: В 10 Т. Том. 1: Подход. Книга 1: На перекрестке мысли: введение в системомыследеяательностный подход. М.: МИФ, 2024. 672 с.

Об авторе:

ЗАГУМЕННОВ Александр Владимирович, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, заведующий заочным сектором бакалавриата, Вологодская духовная семинария (160000, Вологда, ул. Сергея Орлова 1); e-mail: zaw1991@mail.ru

INTENDING IN PHILOLOGICAL HERMENEUTICS: BETWEEN THE “TECHNIQUE OF COGNITION” AND THE “HIDDEN FOUNDATION” OF THE METHODS OF THE HUMANITIES

A.V. Zagumennov

The Vologda Theological Seminary, Vologda

In our article, we rely on the developments made by the Moscow Methodological Circle represented by G.P. Shchedrovitsky and the works of the Tver Hermeneutic School; and give a new interpretation of one of the "techniques of cognition" in the concept of G.I. Bogin. We substantiate that G.I. Bogin carried out a phenomenological description of the hidden basis of the methods of the humanities, and this contributes to the formation of a special line of hermeneutic research.

Keywords: *text, cognition, reflection, noema, philological hermeneutics, method*

About the author:

ZAGUMENNOV Alexander Vladimirovich – Associate Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences, Head of the correspondence sector of the Bachelor's degree, The Vologda Theological Seminary (Ulitsa Sergeya Orlova, 1, Vologda, 160000); e-mail: zaw1991@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.06.25
Подписана в печать 20.09.25

© Загуменнов А.В., 2025